

В. И. МЕТЛОВ

ДИАЛЕКТИКА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Отечественные специалисты по различного рода проблемам социального и гуманитарного знания отказались от диалектики именно тогда, когда наука и общественная жизнь начали испытывать в ней жгучую потребность. Впрочем, вряд ли сознание содеянного в полной мере присутствует в головах отечественных философов и методологов науки. Наряду с подобного рода отношением к диалектике имеет место стремление построить эволюционную теорию той или иной отдельной социальной отрасли научного познания, т.е. схватились за эволюционную теорию познания. Как это возможно без диалектики, известно одному Создателю.

Впрочем, следует иметь в виду, что в XX столетии против диалектики выступали самые великие: М. Хайдеггер предупреждал против прочтения Парменида и Гераклита на манер Гегеля и Шеллинга, т.е. диалектически, а в своей книге, посвященной Канту, точнее, «Критике чистого разума» как представляющей обоснование метафизики, не потрудился остановиться на знаменитых антиномиях, закончив изложение предшествующим антиномиям материалом; известность статьи К. Поппера «Что такое диалектика?» в значительной степени, как нам кажется, объясняется недостаточным знакомством ее читателей с критикой гегелевской диалектики А. Тренделенбургом¹.

По-видимому, главным несчастьем исследований диалектики в нашей стране, в особенности того, что составляет ядро диалектики, а именно учения о диалектическом противоречии, является сугубо гносеологический, а то и просто логический подход к анализу диалектики. Основной проблемой здесь оказывалась совершенно естественно проблема соотношения формально-логического и диалектического противоречий. Стерильность результатов, полученных в ходе попыток решения вопроса,

¹ *Trendelenburg F.A. Logische Untersuchungen. Bd.I. Leipzig, 1862.*

можно считать лучшим доказательством неудовлетворительности постановки самого вопроса именно таким образом. Вся история диалектики свидетельствует между тем о том, что ее задача, начиная с Платона, виделась как задача достижения знания о предметной реальности, как бы эта последняя ни понималась. Однако мы не будем углубляться в детали платоновской, вообще античной, диалектики. Обратим внимание лишь на то, что эта мысль чрезвычайно близка И. Канту, сделавшему первые шаги в направлении к диалектике. Кант, описывая трансцендентальную логику, а это кантовская версия логики диалектической, подчеркивает, что в отличие от логики формальной логика трансцендентальная не может полностью игнорировать отношение к предмету. Разумеется, нельзя упускать из виду специфически кантовское понимание предмета, именно это понимание в состоянии ввести нас в круг проблем, далеко выходящих за рамки гносеологической проблематики. По-кантовски понятая активность субъекта в процессе познания ведет одновременно при последовательном проведении к становлению антиномии и к необходимости введения вещи в себе как собственной компоненты всех теоретических построений Канта в «Критике чистого разума». Последующее развитие этих тем в немецкой классической философии оказалось существенно связанным с выдвиганием на первый план социального аспекта и антиномичности и вещи в себе. И Фихте, и Гегель обнаруживают интерес к активности субъекта не только в абстрактной форме, в которой эта активность существует в философии Канта, но и в политико-экономической форме, в форме трудовой деятельности общественного человека. Это уже начало синтеза философии и политической экономии. Полезно при этом иметь в виду, что во времена Канта А. Смит дал представление о становлении на основе общественного разделения труда, так сказать, экономической вещи в себе. Упомянутый синтез философского и политико-экономического представляется в этой связи процессом становления диалектического движения как движения субъекта к овладению противостоящей ему предметной реальностью, как

преодоление отчуждения субъекта от этой реальности. Понятно, что в этих условиях изложение диалектического движения, движения взаимоотношения субъектного и объектного моментов не может не принять формы движения освобождения, формы движения к снятию оппозиции субъекта и вещи, формы движения к коммунистической форме отношений между людьми и общества с природой.

При отсутствии ясности в представлениях ведущих отечественных методологов о различии между практикой и экспериментом не могло быть ясности и в понимании того, что на основе каждого из названных аспектов возникают различные типы диалектики. Естественно поэтому, что кантовская диалектика редко оказывалась превзойденной. Критика диалектики явным или неявным образом была сосредоточена на понятии диалектического противоречия. Это положение вещей отчетливо представлено в статье К. Поппера «Что такое диалектика?», неявным же образом выражено М. Хайдеггером, который, например, свой анализ проблем метафизики у Канта останавливает непосредственно перед антиномией чистого разума Канта, совершенно не касаясь их. Мы обратим внимание именно на это понятие, поскольку именно оно составляет сердцевину диалектики. Следствием кантовского отношения к проблеме активности субъекта и к взаимоотношению этого последнего с объектом является специфическое положение диалектики и методологии у Канта: диалектика и методология оказываются у него разделенными непреодолимой гранью. Признание принципа дополнительности Бора, дополнительностной идеологии как якобы полностью соответствующей материалистической диалектике представляет собой еще одно свидетельство кантовского видения диалектических ситуаций в современной науке и общественной жизни.

Вообще, диалектика, как она практиковалась в Советском Союзе, носила фактически кантовский характер: разрыв теории и практики, теоретического и практического; отсутствие исторического подхода к вопросу — таковы основные особенности постановки проблем, связанных с диалектической противоречи-

востью в советской философии.

Что же касается предлагаемого в статье подхода, то он заключается в утверждении сводимости всей проблематики диалектики, и в первую очередь проблематики диалектического противоречив», в отношении субъектного и объектного, материального и идеального, в утверждении необходимости рассмотрения диалектической противоречивости в историческом контексте.

Термин «противоречие» — в данном случае мы не будем касаться формально-логического контекста — из словаря гегелевской и марксистской диалектики — давно перешел в разряд общеупотребляемых социологами, политологами, экономистами, Философами естествознания терминов. Литература, посвященная проблеме противоречия, как отечественная, так и зарубежная, довольно значительна. Из сравнительно недавно вышедших работ можно назвать работу Роя Бхаскара «Диалектика. Пульс свободы»², содержание которой, правда, не исчерпывается темой противоречия. Приходится, однако, признать, что за редким исключением работы по одной проблематике, хотя и содержат важные положения, наблюдения, относящиеся к различным аспектам темы, не дают аутентичного представления проблемы и ее разрешения. Теория диалектического противоречия — и это уже имеет отношение прежде всего к исследованиям проблемы в нашей стране — разделяет судьбу диалектики в целом: разрыв между теорией и практикой, свойственный определенным этапам нашего развития, имел своим непосредственным результатом канонизацию в качестве объективных законов бытия и познания известных основных законов диалектики, канонизацию, полностью исключавшую обсуждение этих законов из того контекста, в котором это единственно и имело смысл, именно из контекста практики, активного взаимоотношения субъекта с окружающим миром. Помимо прочего — а указанный разрыв теоретического и практического в области собственно философ-

² *Bhaskar R. Dialectic. The Pulse of Freedom. London-NY, 1993.*

ского исследования приводил к появлению всего ряда дефектов, наиболее отчетливо представленных великим Кантом, — в этом случае, разумеется, не могло быть и речи о критическом, революционном характере диалектики. Непосредственно же в отношении противоречия названный разрыв имел следствием постановку в качестве главной проблемы исследования противоречия проблему выражения объективной противоречивости в логике понятий, и, естественно, проблему соотношения выраженного в понятиях диалектического противоречия и противоречия, описываемого в формальной логике. Поставленная и разрешаемая в таком ключе проблема противоречия оказывалась не только не связанной с анализом противоречий общественного развития — эти последние анализировались, скажем так, на уровне обыденного сознания — но и не играющей серьезной роли в анализе возникающих с некоторых пор противоречий (антиномий) оснований научного познания, возникающих, следует подчеркнуть, именно в результате и на основе необычного, по сравнению с предшествующим периодом, места и роли субъекта в процессе познания, имевших в качестве одного из последствий кризис объективизма предшествующих парадигм, точнее, утрату предмета исследования.

Названный отрыв теории от практики вовсе не следует представлять как отсутствие попыток анализа социальной действительности или практики естественнонаучного исследования представителями диалектики. Дело заключалось в другом: в ходу была чрезвычайно упрощенная модель взаимоотношения практического и теоретического, речь шла о применении уже якобы законченной теории диалектического противоречия к столь же законченному материалу, внешнему по отношению к этой теории. На данном пути диалектическое противоречие исключалось из исторического контекста и, что представляется наиболее важным, определяющим все остальные дефекты, из контекста отношений «субъектное-объектное», «материальное-идеальное». В результате проблема диалектической противоречивости оказалась выведенной за пределы великих философских

проблем, сделавшись объектом бесплодных споров между сторонниками формальной логики и логики диалектической. Лучшая в отечественной литературе работа о противоречии, книга Г.С. Батищева³, в которой проблема поставлена на почву активности социального субъекта, не избежала другого недостатка, а именно: утверждения о том, что признание диалектической противоречивости непременно связано с отрицанием противоречивости формально-логического плана. Именно в этом виде проблематика диалектической противоречивости стала объектом довольно скучной и претенциозной критики со стороны К. Поппера.

Задачу настоящей статьи мы видим прежде всего в анализе проблемы диалектической противоречивости в таком контексте, в котором она только и может быть поставлена и адекватно решена, а именно в контексте отношения субъектного и объектного, материального и идеального, в контексте активности материального субъекта, в контексте понимания субъекта как материального общественного образования. В определенной степени, разумеется, имеет значение и рассмотрение проблемы противоречия в контексте взаимоотношения диалектического и формально-логического. Однако мы полагаем, что это необходимо единственно с целью установления собственного места названной проблематики, а также отчётливой иллюстрации того обстоятельства, что Гегель был очень неосторожен в своем аффицированном выступлении против ограниченности формально-логического закона.

§ 1. Трансцендентальная логика Канта и идея противоречия

Мы уже имели возможность высказать свою точку зрения на условия становления диалектики, в частности, и в первую очередь, на условия становления отношения диалектической противоречивости. Однако считаем не лишним еще раз отметить сле-

³ *Батищев Г.С.* Проблемы диалектического противоречия. М., 1963.

дующее обстоятельство: сколько бы ни говорилось о несовершенстве диалектики Канта, одна ее особенность имеет бесспорное достоинство именно для понимания диалектики и ее становления в немецкой классической философии — зависимость процесса становления отношения противоречивости от определенного характера взаимоотношения субъекта и объекта в процессе познания. Рассмотрение трансцендентальной логики Канта — этот сюжет в целом глубоко и основательно проанализирован как в отечественной, так и зарубежной литературе, посвященной Канту, — позволяет сделать то в высшей степени важное отличие ее от обычной логики, которое в свою очередь позволяет установить важное различие, существующее между противоречием формально-логического плана и тем, что вошло под названием «противоречие» в логику диалектическую, принимающую у Канта образ логики трансцендентальной. Сам И. Кант представляет упомянутое различие следующим образом: трансцендентальная логика «имеет дело исключительно с законами рассудка и разума, но лишь постольку, поскольку они априори относятся к предметам, в отличие от общей логики, которая имеет дело и с эмпирическими знаниями, и с чистыми знаниями разума без различия»⁴. Полезно иметь в виду, что обсуждение различия между общей и трансцендентальной логикой ведется Кантом в связи с обсуждением проблемы критерия истинности научного знания, вопрос о котором, в свою очередь, поставлен в связи с несомненной для Канта необходимостью сопоставления знания и предмета. Трансцендентальная логика оказывается в принципе логикой взаимоотношения субъектного и объектного, логикой двууровневой — особенность, делающая совершенно очевидной некорректность сопоставления ее с логикой формальной, являющейся, по выражению Л. Витгенштейна, вводимой в машину в силу своего в принципе одноуровневого, объектного, характера.

Само по себе замечание о двууровневости трансцендентальной логики Канта в сущности идентично ставшему тривиальным

⁴ *Бом Д.* Причинность и случайность в современной физике. М., 1959.

констатированию в принципе предметного характера этого первого наброска диалектической логики в рамках немецкой классической философии. Диалектика эта, правда, в отличие от той, что возникнет в ходе критики Канта, в большей степени отвечает духу элейской диалектики. Однако сейчас важным представляется то развитие, которое эта особенность претерпевает в общем плане совершенного Кантом коперниканского переворота в философии, являющегося, по сути, как основой становления трансцендентальной логики в целом, так и отдельных ее особенностей, в первую очередь тех, которые непосредственно характеризуют процесс *становления* диалектической противоречивости, антиномичности, в процессе познания. Практически все особенности названного процесса воспроизводятся с поразительной точностью в ходе развития исследований в основаниях современного научного познания. Коперниканский переворот в гносеологии, совершенный Кантом в ходе последовательного проведения связанных с ним особенностей этого фундаментального демарша, естественным образом приводит к пониманию необходимости возникновения «диалектической игры идей», т.е. столкновений антиномии чистого разума. Содержание этого демарша раскрывается Кантом как стремление освободить от всякого условия и обнять во всей безусловной целостности то, что по правилам опыта может быть определено только условно. Фактически это оказывается объективированием субъективных условий всякого возможного опыта, процессом установления вполне определенного отношения между субъективным и объективным моментами на данном конкретном этапе познания, своего рода актом самоприменения. В ходе этой процедуры априорные субъективные формы чувственности и рассудка приписываются вещи в себе в качестве свойств последней. В этой реконструкции Кантом содержания и структуры того, что он называет столкновениями антиномии чистого разума, подчеркнутой оказывается фактически роль тех элементов, от которых не мог освободиться современный Канту материалистический эмпиризм, именно элемент априоризма, выражающийся в по-

стулировании тезиса о познаваемости мира, тезиса, выпадающего из сферы обосновательного влияния общей теории познания эмпирической доктрины. Столкновения антиномии чистого разума и представляют собой столкновения эмпиризма и априоризма, что подчеркнуто Кантом в комментариях по поводу антиномии в «Критике чистого разума».

Отметим еще раз, что антиномия в качестве единства тезиса и антитезиса, подлежащего логико-гносеологическому анализу, оказывается двууровневым образованием, которое лишь при самом поверхностном взгляде может показаться противоречием в формально-логическом смысле слова. Кант, впрочем, не дает даже малейшего повода для подобного недоразумения. К сожалению, кантовская концепция диалектического противоречия не так часто становится предметом основательного анализа. Вне достаточно серьезного внимания оказываются и те ситуации в развитии современного научного познания, которые мы бы назвали кантовскими в силу их идентичности с условиями и характером возникновения столкновений антиномии Канта, именно различного рода антиномии в основаниях наиболее продвинутых отраслей современного научного познания.

Прежде чем сказать несколько слов собственно об антиномических ситуациях в основаниях современного научного познания, отметим два момента, которыми характеризуется кантовский взгляд на антиномию. Во-первых, понимание Кантом асимметрии тезиса и антитезиса столкновений антиномии. «В утверждениях антитезиса заметна совершенная однородность способа мышления и совершенное единство максимы, именно принцип чистого эмпиризма не только в объяснении явлений в мире, но и в решении проблемы трансцендентальных идей относительно самого мира. Наоборот, утверждения тезиса полагают в основу, кроме эмпирического способа объяснения в ряду явлений, еще умопостигаемые начала, и в этом смысле максима их не проста», — так описывается эта асимметрия Кантом⁵. Во-

⁵ Кант И. Сочинения: В 6 т. Т 3. М., 1964. С. 434.

вторых, догадка Канта о колебательной природе тезиса и анти-тезиса антиномии. Это выражено в положении, которое в принципе связано с апелляцией к *практическому* разуму, к *практическому* выходу из этой колебательной ситуации: «... если бы человек мог отказаться от всякого интереса и рассматривать утверждения разума, независимо от всех последствий их, только со стороны содержания их оснований, то он впал бы в состояние постоянного колебания (*unaufhorlich schwankenden Zustande*), если бы не находил иного выхода, как принять или первое, или второе из борющихся учений. Сегодня ему казалось бы убедительным, что человеческая воля свободна, а завтра, принимая во внимание неразрывную цепь природы, он полагая бы, что свобода есть лишь самообман и все есть только природы. При переходе же к практической деятельности эта игра чисто теоретического разума исчезла бы, как тени сновидения, и он избирал бы свои принципы только соответственно практическому интересу»⁶. Соображение о колебательности в связи с отношением тезиса и антитезиса антиномии лишний раз свидетельствует о невозможности описания взаимоотношения тезиса и антитезиса антиномии как находящихся в отношении контрадикторной противоречивости. Но все значение в целом случайной у Канта догадки о колебательной природе названного взаимоотношения становится ясным при установлении того, что у кенигсбергского мыслителя является главным в формировании антиномической ситуации, и что станет важной-определяющей чертой диалектического мышления вообще. Такой особенностью, точнее, особенностями, характеризующими процесс порождения антиномии, являются: во-первых, идея целостности, или тотальности (*Totalitat*), и, во-вторых, идея самоприменимости, то, что в последующий период Гегель назовет рефлексией в себя, а кибернетики — отрицательной обратной связью. Если это и не все условия формирования антиномичности вообще, где бы об этой последней ни заходила речь, то, во всяком случае, они состав-

⁶ Там же. С. 440.

ляют абсолютно необходимые условия становления антиномичности. Мы имеем возможность именно в этой связи обратить внимание на ситуации, достаточно давно ставшие предметом методологического анализа, в частности, на исследования оснований математики, оснований физики, оснований биологии (опыты построения теоретической биологии), лингвистики.

Возникновение потрясших физиков и математиков антиномий в основаниях их наук было самым непосредственным образом связано с относительной завершенностью этих последних и рассмотрением сложившейся целостности с точки зрения выработанных на предшествующем этапе их развития средств. Но быть может самое важное следствие, вытекающее из анализа навязанных ситуаций, состоит в изменении концепции предмета, предметности, необходимость которого диктуется потребностью преодолеть антиномическую ситуацию. Эта последняя в целом вполне корректно может быть охарактеризована, помимо сказанного, как существенно связанная с утратой предмета. Достаточно вспомнить в этом отношении физику и психологию начала столетия. Но между этими полюсами располагаются все остальные научные дисциплины, которые тем или иным образом оказывались перед необходимостью изменения понимания изучаемой в них предметной реальности. Замечательно то обстоятельство, что это становление нового понимания предметности осуществлялось не только как преодоление специфической антиномичности данной отрасли научного познания, но имело еще и иной модус: это было в более общем смысле преодоление антитезы эмпирического и теоретического, с которой, в сущности, Канту не удалось справиться, поскольку он, очевидно, понимает предмет науки как эмпирический предмет.

Сделаем еще несколько замечаний, касающихся особенностей кантовской философии, имеющих отношение к ситуациям, сложившимся или складывающимся в современном научном познании, в современной общественной жизни. Обратим внимание на то обстоятельство, что концепция вещи в себе Канта органически связана с антиномией чистого разума, и что эта по-

следняя в форме критики объективизма материалистического эмпиризма фактически уже представлена в Предисловии ко второму изданию «Критики чистого разума» и является основанием для введения понятия вещи в себе. Трудно не обратить внимание на тот факт, что вещь в себе Канта представляет собой гносеологический коррелят другого типа утраты вещи, утраты социально-экономического характера: А. Смит констатирует утрату производителем контроля над произведенной им вещью в силу определенного характера общественных отношений, в конечном счете, в силу сложившегося в обществе разделения труда. Именно в этих условиях формируется та антиномия общественной жизни, с которой столкнулся Смит и которую он не смог разрешить на основе своей трудовой теории стоимости, антиномия физиократизма и меркантилизма. Кризис науки в той ее форме, которая стала нам известна в первую очередь как кризис физики, начался фактически кризисом политэкономии. Не добавляя чего-либо существенного а наше понимание кризиса научного познания, кризис политической экономии, имеющий коррелятом кризис философии, с которым имеет дело Кант, а именно кризис как философии эмпиризма, так и кризис философии рационализма, кризис политической экономии, рассмотренный в связи с кризисом философии, преодолеваемый Кантом, позволяет усмотреть принципиальную особенность возникающей здесь диалектики, а именно ее, мы бы сказали, антитеоретический, вещный, характер. Диалектика разворачивается не только в сфере теоретического, но и в сфере взаимоотношения теоретического и вещного. Этот мотив в последующем за Кантом философском развитии примет форму преодоления разрыва между «я и «вещью», а абстрактный субъект «Критики чистого разума» Канта уступит место политико-экономическому субъекту Фихте и Гегеля.

§ 2. Послекантовское развитие темы антиномии. Гегель и Маркс

Изменения, которые претерпевают понятия субъекта, взаимоотношения субъекта и объекта, самым непосредственным об-

разом выражаются в понимании того, что в литературе по диалектике будет названо диалектическим противоречием. Мы не будем сколько-нибудь подробно останавливаться на концепциях И. Фихте и Ф. Шеллинга, иллюстрируя это положение. Отметим лишь в связи с Фихте, что оказывается полезным сопоставление диалектики Я и не-Я в его концепции с известным из глубокой древности парадоксом «Лжец». Сопоставленное это проливает свет на характер разрешения противоречивости в процессе познания.

Естественно, что наибольшим интересом в связи с анализом диалектической противоречивости в истории познания пользовался Гегель. И те, кто усваивает диалектику, и те, кто ставит задачей ее устранение, по большей части отвергаются именно к Гегелю как автору наиболее развито теории диалектики, теории противоречия, по существу. В статье «Что такое диалектика?» Поппер выбирает именно Гегеля в качестве объекта критического анализа, причем самым существенным моментом этого анализа является сопоставление провозглашаемой Гегелем диалектики с ее центральным положением о диалектической противоречивости и положения о непротиворечивости формальной логики. «Вполне понятно, следовательно, — пишет Поппер, — что Гегель, полагая, что диалектика представляет собой истинное описание наших действительных процедур рассуждения и мышления, считал, что мы должны таким образом изменить логику, чтобы сделать диалектику важной, если не самой важной, частью логической теории. Это делало необходимым устранение «закона противоречия», который, очевидно, был серьезным препятствием для принятым диалектики»⁷. Рассматривая в качестве центрального момента отношение диалектической и формально-логической противоречивости, Поппер принимает во внимание именно то, что надолго определило содержание полемики по проблемам диалектики, и в первую очередь по проблемам диалектической противоречивости в СССР.

⁷ *Popper* к. What is dialectic? // *Conjectures and Refutations*. N.-Y. 1963, p. 328.

Следует отметить, что Гегель дает определенный повод для такого рода его интерпретации. Начать хотя бы с того, что он употребляет термин «противоречие» в смысле, принятом в формальной логике для характеристики того, что обозначается как диалектическое противоречие, положение вещей, исключаемое Кантом, использующим термин «столкновение» (*Widerstreit*) для обозначения того, что в его трансцендентальной логике может быть названо диалектическим противоречием. Не может не вызвать возражения и антиисторизм Гегеля в отношении к начальному этапу развития диалектической противоречивости, представленному именно антиномией Канта: странным образом Гегель игнорирует необходимость предшествующего снятию антиномичности развития тезиса и антитезиса антиномии до того уровня, на котором только и оказывается возможным снятие. Вместе с тем, несмотря на путаницу, внесенную в теорию противоречия самим Гегелем, невозможно не обратить внимания на то обстоятельство, что противоречивость собственно диалектического толка возникает у Гегеля фактически в ходе и на основе взаимоотношения субъектного и объектного уровней как форма развития взаимоотношения между «я» и «вещью» и что, следовательно, исключается возможность столкновения ее с рассудочным мышлением, на уровне которого описывается языковая и логическая активность, подчиняющаяся действию известного закона формальной логики, логики, как мы это уже отмечали, одного уровня. Взаимоотношение вещи и субъективности, вещи и «я» в «Феноменологии духа», этом «возведении духа в стихию знания», достаточно определенно свидетельствует в пользу данной характеристики сферы значимости формирующейся здесь логики. Но и «Наука логики», вся представленная в ней система категорий, говорит, в сущности, о том же: развертывание Абсолютной идеи осуществляется как процесс взаимоотношения духа с собственной объективацией, как взаимоотношение различного вида рефлексий, т.е. в процессе взаимоотношения двух уровней, что, разумеется, исключает возможность конфликта с законом противоречия формальной логики. То, что представля-

ется чрезвычайно важным продвижением вперед у Гегеля по отношению к Канту, может быть сведено к двум тесно связанным друг с другом моментам. Первый — характеристика предметности, вещи, Гегелем: эта последняя существенным образом включает в себя отношение к субъекту, к сознанию, момент «бытия для другого», как выражается Гегель. Второй — характер отношения, существующего в этом случае между вещью и субъективностью. Рефлексия в себя и рефлексия в другое, описывающие это отношение, в сущности, представляют собой ту форму, в которой реализуется диалектическая противоречивость. Гегель развивает здесь моменты, присутствующие уже у Канта. Уточняя и развивая кантовскую линию анализа познания, в частности в связи с пониманием явления, Гегель подчеркивает, что фактически Кант в своем понимании явления остановился на полпути в силу непоследовательного проведения принципа активности субъекта и, следовательно, в силу детерминированного этой непоследовательностью неудовлетворительного представления отношения отражения, отношения рефлексит, в данном случае, в другое. Для Гегеля явление представляет собой собственную природу непосредственного предметного мира. Позная явление, мы познаем сущность, поскольку «явление... содержит в себе объединенными моменты рефлексии в самое себя и рефлексии в другое...»⁸. Вряд ли в собственном содержании рефлексии у Гегеля есть что-либо иное, что мешало бы обозначить ее термином «отражение». Это обстоятельство важно подчеркнуть, имея в виду общее соображение о необходимости отражения в любой диалектической концепции как концепции развития. Оно в свою очередь есть следствие существования в любой диалектической концепции в качестве основополагающего отношения — «субъект-объект», «материальное-идеальное»: не случайно в современной философии попытки избавиться от названных отношений, представленные полярными направлениями экзистенциально-феноменологическими, с одной стороны, и

⁸ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. М., 1974. Т.1. С. 296.

позитивистскими — с другой, отмечены игнорированием диалектики. Сказанное, разумеется, делает лишь более настоящей задачей отличения понимания отражения и, следовательно, диалектической противоречивости в различного рода диалектических концепциях, в первую очередь у Гегеля и в материалистической диалектике К. Маркса.

Следует отметить, что без отражения как аспекта взаимоотношения противоположностей сторон противоречия вообще не существует развития, и Гегель отчетливо понимал это обстоятельство. Характеризуя развитие Абсолютного у Спинозы, он отмечает отсутствие у этого мыслителя рефлексии в себя, что роднит его учение с учением об эманации, последнее и не удовлетворяет Гегеля, поскольку рефлексия оказывается в таком случае внешней процессу развития.

Биология — это собственное царство развития, по выражению одного из историков этой науки, делает весьма осязаемыми неясные на первый взгляд понятия гегелевской логики «рефлексия в себя» и «рефлексия в другое». В сущности это то, что может быть без каких-либо натяжек отождествлено соответственно с понятиями отрицательной и положительной обратной связи. Это движение информации в двух противоположных направлениях хорошо представлено исследователями канцерогенеза, которые подчеркивают взаимную дополняемость (*supplementation*) механического и холистского (*holistic*) процессов передачи информации, приводящей к злокачественному изменению клетки. Важно при этом иметь в виду, что описание названных процессов отражения, рефлексии в связи с характеристикой развития представляет собой не описание некоего эпифеномена, но, напротив, собственный аспект характеристики предметной реальности. Кстати сказать, биологический материал, материал теории развития и теории эволюции в биологии, позволяет усмотреть существование гораздо большего числа типов взаимоотношения, обозначаемых не вполне корректно противоречиями, чем лишь контрадикторное противоречие формальной логики и полярности в предметной реальности. Вряд

ли, скажем, отношение организма к среде или отношение биологического вида к среде будет описано названными характеристиками, исчерпывающими, по мнению некоторых авторов, возможные виды того, что может быть названо противоречием. И вместе с тем существует тип взаимоотношения, который содержит отрицательность в качестве собственного момента предметной реальности (характеристика конечной вещи у Гегеля) и который не может быть описан как взаимоотношение поляриностей (контрадикторность же вообще не имеет к нему никакого отношения). Но для усвоения этого типа взаимоотношения, для понимания его, важно обращение к иному типу понимания предметной реальности, именно ясное сознание того, что отражение (свечение в другом, как сказал бы Гегель) представляет собственный момент развивающейся предметной реальности. Всякое противоречие оказывается в этом случае, в конечном счете, сводимым к противоречию материального и идеального. Но это последнее становится отчетливо ясным только на почве материалистической диалектики Маркса. Было бы, по-видимому, ошибочным говорить о проблеме диалектического противоречия как о задаче, непосредственно поставленной основателем материалистической диалектики перед собой. Обращение к анализу духовной жизни общества, условий, определяющих этот уровень общественной жизни, поставил Маркса прежде всего перед проблемой человека, материальных, в том числе вещных, условий существования последнего. Антиномичность у Канта, сводящаяся, в конечном счете, к утрате предмета в форме провозглашения последнего вещью в себе, у А. Смита приобретает вполне ощутимые социально-экономические формы, формы возникновения предметного мира, создаваемого человеком в целях удовлетворения жизненных потребностей, но в силу определенного рода игры общественных сил противостоящего создавшему его человеку в качестве враждебной ему, порабащившей его силы. Следует еще раз подчеркнуть, что в обоих случаях возникающая антиномичность представляется следствием нового, по сравнению с предшествующим периодом, по-

ложения субъекта в рассматриваемых ситуациях — в познавательной у Канта, в экономической у Смита. Маркс отчетливо видит и достоинства и ограниченность перехода на точку зрения субъекта в политической экономии, осуществленного Смитом и Рикардо: «Так как они превращают в субъект частную собственность в ее деятельной форме, т.е. объявляют сущностью в одно и то же время человека как такового и человека как некое изуродованное существо (Unwesen), то противоречие, имеющееся в самой действительности, вполне соответствует противоречивой сущности, которую они признали в качестве принципа. Разорванная действительность промышленности не только не опровергает, но, наоборот, подтверждает их внутренне разорванный принцип. Ведь их принцип и является принципом этой разорванности»⁹. Уже ранние работы Маркса свидетельствуют о той общей направленности, которой характеризуется диалектика, создаваемая на материалистической основе: момент отражения, идеальные формы общественной жизни, суть продукты материального взаимодействия материального субъекта с материальным миром.

Рефлексия у Гегеля как эквивалент отражения представляет собой в общем случае мысль о мысли. Для Гегеля не существует вопроса о том, откуда взялась способность к рефлексированию. Отличие материалистической диалектики Маркса от идеалистической диалектики Гегеля сводится, таким образом, к отличию их концепций диалектического противоречия, а отличие на этом последнем уровне оказывается детерминированным отличием понимания отражения в каждой из названных концепций. Концепция тождества бытия и мышления вовсе не обязательно исключает — и это именно случай Гегеля — отражения. Утверждать противоположное — значит упрощать себе задачу критики Гегеля. Отражение вообще, как мы пытались показать, является неизбежной компонентой отношения противоречивости и,

⁹ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.42. С. 582.

следовательно, всякой заслуживающей этого названия (диалектической) теории развития. Отличие Маркса и Гегеля в решении поставленных выше вопросов — это отличие открытой, способной к дальнейшему развитию системы Маркса от замкнутой телеологической системы Гегеля. Процесс познания у Гегеля заканчивается абсолютным тождеством, познанием идеей самой себя, возвращением в идею, тогда как у Маркса познание оказывается возможным лишь на основе и с точки зрения более высокой ступени развития, возникающей в результате снятия противоположностей, как их диалектический синтез. Эта более высокая ступень в развитии познания у Маркса возникает, таким образом, на основе развития и разрешения противоречий менее высокой ступени развития, тогда как у Гегеля или у Фихте она оказывается существующей от века. Вновь достигнутая ступень познания у Маркса, в отличие от Фихте и Гегеля, представляет собой не прекращение развития, но исходный пункт нового этапа развертывания противоречия. Легко заметить, что усмотрение существования идеи отражения в отношениях противоположностей противоречия тотчас приводит к пониманию различия в структуре разрешения противоречия в материалистической и идеалистической диалектике.

§ 3. Противоречивость в современном научном познании

Термином «противоречивость в современном научном познании» мы будем обозначать противоречия в основаниях наиболее продвинутых научных дисциплин, таких как математика, физика, биология, лингвистика. Разумеется, что перечень этот не исчерпывает всего числа продвинутых отраслей знания, но следует иметь в виду, что и в отношении уже названных в настоящей статье можно дать лишь самое общее представление.

Мы уже обращали внимание на то обстоятельство, что основные антиномии современного научного познания (мы отнесем сюда антиномические ситуации, возникшие в названных отраслях знания на стыке двух столетий) поразительно точно воспроизводят и своим происхождением, и общими особенно-

стями столкновения антиномии чистого разума И. Канта. Достаточно обратить внимание на то обстоятельство, что своим появлением они обязаны необычной, по сравнению с предшествующим периодом развития, ролью субъекта в процессе познания, что само появление их означает — вместе с новым местом субъекта в отношении к познаваемому предмету — прежнего понимания предмета, в первую очередь отказ от его объективистского, эмпиристского, рассмотрения. Там же, где, например, в биологии в теории эволюции, в отличие от физики и математики, не могла непосредственно идти речь о субъекте и объекте, так сказать, в человеческом облике, фактически возникала ситуация, в которой моделировалось то, что свойственно субъектно-объектному отношению. Так обстояло дело, например, в связи с установлением связи между отрицательной обратной связью и возникновением колебательного режима в биологических и химических системах.

Сходство, однако, не исчерпывалось названными чертами. Отчетливо представлена в антиномиях оснований современного научного познания двууровневость логики их реализации. Основания математики, исследования которых могут иметь значение парадигмы обосновательных исследований всех остальных отраслей научного знания, представляют в этом отношении яркий пример. Характерны в данном отношении соображения выдающегося советского логика Д.А. Бочвара: логические парадоксы (мы пользуемся термином «антиномия», употребляя его в том же смысле, что и термин «парадокс») являются следствием присоединения к формальным системам классической логики экзистенциальных предложений, содержащихся в аксиомах свертывания; такие предложения, утверждая существование некоторого, приводят к выходу за границы логики, в область теории с экзистенциальными постулатами; название «парадоксы реификации» подчеркивает их внелогическую природу. Двууровневость антиномии и, далее, той ее формы, которую антиномия приобретает, становясь диалектическим противоречием, по видимому, может стать объяснением того факта, который отме-

чен английским исследователем К.П. Уормеллом: «Парадоксы не являются противоречиями. Они не являются утверждениями, которые указывают на два или более несовместимых направления, но утверждениями, которые колеблются (*oscillate*) между различными направлениями и которые не в состоянии остановиться на каком-либо одном постоянном направлении»¹⁰. Это легко усматривается как на синтаксических, типа Расселла, так и на семантических, типа «Лжец», парадоксах. Ни в одном из этих случаев мы не имеем оснований останавливаться на противоречии, но имеем, в сущности, дело с бесконечной импликацией. По сути, в этих случаях возникает тот тип дурной, по Гегелю, бесконечности, преодоление которой должно привести к новому пониманию исследуемой предметной реальности в каждом случае разрешения антиномии, новой категории, согласно гегелевской логике. Но ведь обосновательные исследования, подстегнутые существованием антиномий в соответственных отраслях знания, в качестве основной цели и имели формирование нового понимания предметной реальности. И биология, и лингвистика, не говоря уже о физике и математике, имеют в виду эту задачу, решая непосредственно проблему преодоления антиномичности. Столь же верно, однако, и то, что решению этой задачи предшествует довольно длительный путь относительно самостоятельного развития отдельных составляющих антиномию тезиса и антитезиса, на основе которых формируются концепции, способные по достижении определенного уровня зрелости соединиться в высшем синтезе, ведущем именно к новому предмету. Развитие интуиционизма и формализма в основаниях математики, возникших соответственно на обозначенных парадоксом Расселла возможностях понимания множества, дарвиновской и менделеевской парадигм в биологии, волновой и корпускулярной картин в физике и т.п. должно было довольно долго осуществляться в относительной независимости друг от друга, прежде чем стал возможен плодотворный синтез представленных каж-

¹⁰ *Wormell C.P.* On the paradoxes of self-reference. *Mind*, 1959. Vol. 67. № 266, p.

дой дисциплиной парадигм, а в некоторых областях возможности такого синтеза не ясны и поныне. Полезно при этом обратить внимание на то обстоятельство, что сам синтез оказывается возможным лишь тогда, когда каждая из основных крайностей обнаружит в своих недрах нечто похожее на собственную противоположность, которая в идеализированном виде всегда присутствует в тех случаях, когда мы имеем дело с крайностями некоего единого Целого («действительного дуализма сущности не бывает»). Так, формализм Гильберта предъявляет к математике требования, строгость которых не уступает требованиям интуиционистов, а интуиционистская программа (Брауэр), хотя бы в интересах сопоставления с более традиционными подходами, должна представить свою формальную структуру. Но исследования оснований математики представляют собой парадигму, наиболее абстрактную версию, как мы уже отметили, исследований оснований знания в других отраслях научного познания.

Заметим, кстати, что к антиномии ввиду сказанного вряд ли можно относиться лишь как к антиномиям-проблемам, антиномиям теоретического уровня. Антиномическая ситуация существенно включена в предметность, что, правда, предполагает выход за пределы лишь эмпирического понимания предметности.

В связи со сказанным нельзя не обратить внимания на то решение проблемы эволюционной теории в биологии, которое предлагается К. Поппером в работе «Объективное знание. Эволюционный подход»¹¹, поскольку это решение более или менее явно предполагает неприятие аутентично диалектического решения проблемы. Пытаясь справиться с антитезой механизма и витализма, Поппер предлагает доктрину генетического дуализма, в которой фактически единый развивающийся организм (вид) распадается на два не связанных между собой образования. Здесь оказывается смоделированным третье столкновение антиномии чистого разума Канта, без ясного понимания этого

¹¹ *Popper K. Objective Knowledge. An Evolutionary Approach. Oxford, 1972.*

обстоятельства и, разумеется, без какого-либо анализа судеб этого столкновения и вообще антиномичности в последующем развитии философии и науки.

§ 4. Вместо заключения

Трагический по своей сути отрыв теории от практики, о котором говорилось в самом начале статьи, имеет своим последствием, помимо тех, что указаны, и тех, что еще предстоит отметить, своеобразный дуализм того, что в европейской традиции обыкновенно называлось основным вопросом философии (Ф. Энгельс, М. Хайдеггер) и тем, что с некоторых пор стало называться ядром диалектики. Странным образом отношение «материальное — идеальное» оказалось, за некоторыми исключениями, что касается отечественной философской мысли, вне рамок фундаментального диалектического рассмотрения, хотя именно к взаимоотношению материального и идеального фактически сводятся как к своей основе все противоречия развивающегося объекта, предмета. С другой стороны, диалектическое противоречие, рассмотренное вне контекста великих вопросов философии, в первую очередь, вне контекста основного вопроса философии, взаимоотношения материального и идеального, оказывалось существенно обедненным и, более того, просто некорректно представленным в своем содержании, структуре. Этот дуализм имел в качестве своего непосредственного следствия докантовскую постановку проблемы взаимоотношения объективной и субъективной противоречивости. Неразрешимость проблемы в таком ее виде — ясная Канту и, собственно, породившая кантовский теоретический демарш — некоторое время была не вполне осознанной в связи с тем, что сопоставлялись не просто предмет и знания о предмете, но противоречия объективного уровня и уровня субъективного. В сущности же это совершенно не меняло проблемы, и по мере осознания неудовлетворительности прежнего, характеризующегося эмпиризмом, понимания предмета, вещи, а соответственно, и субъекта познавательного процесса, осуществлявшегося под влиянием пони-

мания роли практики в становлении предметной реальности, эмпирическое понимание предмета вытеснялось более сложной и корректной концепцией. Конечно, это означало прогресс в развитии понимания диалектики вообще, а не только того, что названо диалектической противоречивостью. Позиция этого рода представлена Марксом и Энгельсом в «Немецкой идеологии», а Марксом такому взгляду посвящен первый тезис о Л. Фейербахе.

Вообще говоря, изложенная в настоящей статье позиция — а она, как нам представляется, достаточно корректно воспроизводит как историко-философское движение интересующей нас здесь проблематики, так и воплощение этой последней в контексте материалистической диалектики — позволяет отметить одну чрезвычайно важную особенность функционирования диалектической противоречивости: эта противоречивость реализуется в контексте взаимоотношения двух уровней, объектного и субъектного, материального и идеального, а потому в принципе не может быть адекватно представлена на языковом уровне. А.Ф. Лосев когда-то в 20-х годах почувствовал, что за собственно языковым уровнем существует темное бытие, возразив таким образом Хайдеггеру еще до появления ставшего знаменитым тезиса этого автора «язык — дом бытия». Это обстоятельство никоим образом не означает обоснование необходимости обращения к иррационализму в связи с познанием противоречивости. Оно означает лишь неустранимость для материалистической диалектики вообще — а не только для диалектического противоречия — постоянного соотношения того, что может быть названо теоретическим уровнем с уровнем предметным, точнее, субъектного с эмпирически данной предметностью. Это не пожелание, адресованное теоретику, обратиться к практике, к вехной реальности. Это взаимоотношение субъектного и объектного, материального и идеального в ходе и на основе практической деятельности представляет собой собственную форму существования диалектической противоречивости вообще материалистической диалектики.

Косвенным образом представленная точка зрения находит свое подтверждение в работах выдающихся критиков диалектики: критика в них этой последней неизбежно имеет в качестве основы стремление подняться над субъективным и объективным, материальным и идеальным, свойственное, как уже отмечалось, в одинаковой мере в целом полярным направлениям в современной философии, таким, как феноменолого-экзистенциальная традиция и традиция логико-позитивистская. Справедливости ради следует отметить, что критика объективистского, уходящего от практики, подхода к диалектике, является делом достаточно давним в марксистской традиции. В этой связи можно назвать работы Г. Лукача и рецензии на них в основном Р. Гильфердингом журнале «Общество» (*Gesellschaft*). Можно с пользой прочитать в некотором роде сохранившую свежесть работу М. Мерло-Понти «Приключения диалектики». Эти и другие исследования — как марксистские, так и отстраняющиеся от марксизма — были, однако, по разным причинам вне поля зрения наших исследователей. Потеря интереса к диалектике в нашей стране в настоящее время может привести и уже приводит к тому, что эти работы и в дальнейшем не будут пользоваться тем вниманием, которого они заслуживают на деле. Как курьез приходится отметить, что это имеет место именно тогда, когда более чем когда-либо настоящей является потребность в критической и революционной теории. И.П. Эккерманн передает нам следующее описание диалектики, данное Гегелем в беседе с Гете: «Собственно диалектика, — сказал Гегель, — не что иное, как упорядоченный, методически разработанный дух противоречия, присущий любому человеку, и в то же время великий дар, поскольку он дает возможность отличать истинное от ложного»¹². Мы оставим на совести Гегеля употребляемый им термин, действительно способный ввести в заблуждение и введший в искушение немалое число сторонников диалектики. Важно отметить, что противоречием тем, что обо-

¹² *Wormell C.P.* On the paradoxes of self-reference. *Mind*, 1959. Vol. 67. № 266, p.

значается этим термином, его историей, фактически и представлено основное содержание диалектики. Предложенная точка зрения дает возможность корректно описать аутентичное содержание того, что стоит за термином. Нынешнему пренебрежению диалектикой неизбежно придет конец, который, в сущности, уже и предвещается становлением эволюционных подходов в различных дисциплинах. Этот процесс обращает на себя внимание в работах ряда ученых и исследователей науки на Западе, в США. Пренебрегая диалектическим анализом, мы оказываемся на задворках интеллектуальной жизни, предстаем абсолютно беспомощными перед лицом проблем, требующих именно диалектического анализа и разрешения.